

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ШКОЛА

А. С. ЧИКОБАВА

НЕСКОЛЬКО СООБРАЖЕНИЙ О ПОСТРОЕНИИ КУРСОВ ПО ОБЩЕЛИНГВИСТИЧЕСКИМ ДИСЦИПЛИНАМ

На страницах журнала «Вопросы языкознания» (1952, № 4; 1953, №№ 1, 3, 4, 5) был опубликован ряд статей, посвященных преподаванию общелингвистических дисциплин вообще и «Введения в языкознание» в особенности. Вопросы, затронутые в этих статьях, столь же актуальны, сколь сложны и неясны. В статье «К итогам обсуждения курса „Введение в языкознание“» (ВЯ, 1954, № 1) Ф. Ф. Кузьмин отмечает: «Среди ряда вопросов, связанных с задачами подготовки квалифицированных кадров языковедов, вопросы преподавания общелингвистических дисциплин в высшей школе, а из них в первую очередь курса «Введение в языкознание», привлекают особое внимание широких кругов советских языковедов...

К сожалению, — пишет дальше Ф. Ф. Кузьмин, — дискуссия на тему о постановке и содержании курса «Введение в языкознание», проведенная на страницах нашего журнала, осветив по преимуществу некоторые частные моменты в организации и построении курса, почти не коснулась тех общих, принципиальных вопросов, какие по существу должны быть решены или хотя бы быть поставлены в первую очередь при рассмотрении проблемы преподавания указанной дисциплины.

Этим словам нельзя отказать в справедливости. Наименее ясными являются именно эти общие принципиальные вопросы: вопросы состава общелингвистического цикла предметов, взаимоотношения их, построения каждого из них.

В редакционной статье журнала «Вопросы языкознания» (1954, № 2) фактически отклоняется существовавшее до сих пор построение курса «Введение в языкознание» и мимоходом выдвигается новое понимание. Однако вопрос слишком сложен для того, чтобы его решать мимоходом. Следовало ожидать, что это новое понимание будет обосновано в специальной статье, чтобы можно было судить, на каких положениях оно строится, к чему обязывает и какими преимуществами обладает. Обоснованное новое понимание вызвало бы обмен мнениями и оказало бы помощь при уточнении имеющейся программы или же при разработке новой программы. К сожалению, пока такой статьи не имеется.

Мы остановимся ниже на двух вопросах: 1) какой общелингвистический предмет следует включать в минимум филологического образования и почему? Как строился он в старых университетах, как должен строиться в настоящее время? 2) какие общелингвистические предметы, кроме «Введения», следует предусмотреть для специалистов по языку (для лингвистического профиля)? Касаясь этих во-

просов, мы надеемся, что они станут поводом для более ясной формулировки задач, для уяснения существующих пониманий и тем помогут правильному решению задачи.

*

В российских университетах дооктябрьского периода из общелингвистических предметов преподавалось одно лишь «Введение в языкознание» как теоретическая дисциплина, органически связанная со сравнительной грамматикой индоевропейских языков. Иногда соответствующий курс именовался «Общим языковедением». Отличаясь по объему, этот курс по своему существу — по постановке и трактовке вопросов — не отличался от «Введения».

Как понималось в дореволюционные годы содержание курса по «Введению в языкознание»? Понималось оно по-разному.

Характерно высказывание автора одного из курсов «Введения», составленного довольно интересно, проф. Д. Н. Кудрявского. Он писал (в 1912 г.): «„Введение в языкознание“ не представляет из себя особой научной дисциплины. Курсы введения в языкознание, читаемые в наших университетах, вызваны исключительно практическими требованиями преподавания. Лица, которые имеют в виду заниматься сравнительною грамматикой индоевропейских языков, должны предварительно ознакомиться с некоторыми общими вопросами языкознания и усвоить основные положения некоторых дисциплин, находящихся приложение в сравнительной грамматике. Такова, например, физиология звука, рассматривающая физические условия произношения и восприятия звуков человеческой речи. С этой точки зрения содержание „Введения в языкознание“ может быть охарактеризовано как лингвистическая пропедевтика. Но те же самые общие вопросы языкознания имеют и общеобразовательное значение и знакомство с ними необходимо всем, занимающимся филологией в широком смысле этого слова... Эти обстоятельства и заставляют выделять из обширной области языкознания особый курс введения в эту науку. Но те же самые обстоятельства обуславливают и некоторую неопределенность содержания такого введения. Один предпочитает излагать в общем курсе введения в языкознание те вопросы, которые другой разбирает в курсе сравнительной грамматики. Такой субъективизм в выборе материала неизбежен и нередко вызывается практическими требованиями экономии времени»¹.

Итак, для курса «Введение в языкознание» Д. Н. Кудрявский считает характерным его связь со сравнительной грамматикой (индоевропейских языков) и вытекающую отсюда необходимость фонетики («физиологии звука»). «Общие же вопросы языкознания, оказывается, следует включить в «Введение» в целях общеобразовательных — для всех, занимающихся филологией. Неизбежный результат вышеуказанных обстоятельств — «неопределенность содержания» такого «Введения». Достаточно сличить основные разделы известных старых курсов по «Введению», чтобы убедиться в справедливости слов Д. Н. Кудрявского о «неопределенности содержания» этих курсов.

«Введение» Д. Н. Кудрявского касается следующих вопросов: 1) язык (выяснение термина «язык», определение человеческого языка, грамматика и логика, язык — деятельность, язык и звуки животных, междометие и слово, природа слова); 2) морфологическая классификация языков; 3) генеалогическая классификация языков; 4) происхождение языка; 5) вспомогательные дисциплины языкознания; 6) физиология звука;

¹ Д. Н. Кудрявский, Введение в языкознание, Юрьев, 1912, стр. 1.

7) психологический фактор в языке; 8) грамматический строй индоевропейских языков.

Отрасли языкознания тут представлены фактически лишь фонетикой (лексикология, семасиология, морфология, синтаксис и их основные понятия остались незатронутыми). Но дело не в этих пробелах. В расчленении наличного материала не имеется никакой последовательности. Ни о какой целостности содержания тут не приходится говорить.

Одним из наиболее удачно составленных учебных пособий по «Введению в языкознание» считался известный учебник профессора Московского университета В. К. Поржезинского. В этом учебнике рассматриваются следующие вопросы: 1) предмет языковедения, задачи и методы этой науки; 2) важнейшие моменты в истории науки о языке; 3) генеалогическая классификация языков: индоевропейская семья языков, неиндоевропейские языки; отношение генеалогической классификации языков к классификации человеческих рас по соматическим признакам; 4) физиология звуков речи; 5) знаки языка как факты духовной деятельности; 6) отдельные слова языка, формы в языке, образование форм самостоятельных слов, формальные классы слов, морфологическая классификация языков; 7) словосочетание и предложение; 8) изменение фактов языка; 9) вопрос о происхождении языка, искусственные языки; 10) индоевропейский праязык и доисторические эпохи в жизни индоевропейцев¹.

Как видно из этого перечня, отрасли языкознания здесь представлены полнее: за фонетикой («физиологией звуков речи») следует семасиология («знаки языка как факты духовной деятельности»), затем рассматриваются вопросы морфологии и синтаксиса. Генеалогическая классификация дана до фонетики. Морфологическая классификация увязана с морфологией, что не лишено основания, но эти две классификации рассматриваются в разных местах книги.

О сущности языка говорится лишь мимоходом во вводной части: «Объектом исследования в науке о языке является человеческий язык. Языком в наиболее общем значении этого термина мы называем совокупность таких знаков наших мыслей и чувств, которые доступны внешнему восприятию и которые мы можем обнаруживать, воспроизводить по нашей воле»².

Вопрос о происхождении языка, оказавшись в конце, скорее выглядит привеском, чем органической частью книги; равным образом и последняя пространная глава об индоевропейском праязыке и доисторических эпохах в жизни индоевропейцев служит как бы приложением к книге и лишь механически связана с предыдущей главой о происхождении языка и искусственных языках.

«Задачею науки о языке является изучение истории человеческого языка в ее полном объеме, а здесь прежде всего требуется определение родственных отношений между языками, некогда существовавшими и существующими в настоящее время», — замечает Поржезинский³, поясняя переход к «генеалогической классификации языков»: но об истории человеческого языка (т. е. о процессах, имеющих место в развитии языков) ничего не сказано: «изменение фактов языков» изложено в конце (после фонетики, семасиологии, морфологии, синтаксиса) на стр. 158—206. Ценным является изложение «важнейших моментов в истории науки о языке»⁴.

Для теоретических установок В. К. Поржезинского показателен психологизм: в психологии он стремится найти объяснение языковых фак-

¹ См. В. Поржезинский, Введение в языковедение, 4-е изд., М., 1916.

² Там же, стр. 7.

³ Там же, стр. 51.

⁴ Там же, стр. 15—51.

тов. «Психология, — пишет В. К. Поржезинский, — разъясняет нам далее сущность и течение тех процессов нашей внутренней жизни, которые имеют ближайшее отношение к устной и письменной речи, так что наука о языке, отправляясь от этих данных, имеет возможность разбираться в самых фактах языка...»¹.

Таким образом, «Введение» В. К. Поржезинского, несмотря на большой объем и на большую обстоятельность изложения, так же лишено цельности построения, как и «Введение» Д. Н. Кудрявского, оно так же опирается на психологию (при объяснении явлений), так же ориентируется на индоевропейские языки, так же уделяет мало внимания общепринципиальным вопросам сущности и развития языка.

Относительно больше внутреннего единства в «Кратком введении в науку о языке» проф. Д. Н. Ушакова². За краткой «вводной частью» (глава первая), дающей на 7 страницах сведения о языке и языковедении («цель и предмет» языковедения, «живые и мертвые языки», «родственные языки», «язык и диалект», «родство языков и родство рас», «грамматика школьная и научная», «психология, логика, грамматика» и др.), следуют главы, анализирующие звуки (описательная фонетика), формы (вопросы морфологии), слова (их классификация по значению, по формам; части речи), предложение (вопросы синтаксиса).

После этого дана «генеалогическая классификация языков» (морфологическая классификация включена в главу о формах слова). Но после генеалогической классификации языков выделена специальная глава, посвященная «происхождению языка; возникновению и исчезновению языков». Вслед за этим рассматривается «жизнь языка»: изменение звуков, изменение значений, утрата слов и появление новых слов, изменение форм слов. Таким образом, звуки анализируются во второй главе, значения — в третьей, формы — в четвертой, слова — в пятой, а изменения звуков, значений, форм (слов) и слов как лексических единиц — в главе девятой.

Можно ли понять «родство языков» (глава первая) и основанную на нем «генеалогическую классификацию» (глава седьмая), если об изменениях, возможных в языке, о развитии языков (без чего немислимо понятие родственных языков, немислима генеалогическая классификация) сведения даются лишь в самом конце книги, в главе девятой. Последние две главы лишь механически связаны с предыдущим материалом. Глава «жизнь языка», оказавшаяся в самом конце, резко нарушает относительную целостность построения книги.

Изложение в «Кратком введении» Д. Н. Ушакова ясное. Но положения даются без обоснования. Бросается в глаза крайне краткое — подчас конспективное по стилю — изложение вопросов сущности и развития языка. Психологизм ярко проявляется в трактовке основных вопросов.

Университетский курс по языкознанию не всегда назывался «Введением в языкознание». Его место иногда заступало «Общее языковедение» («Общее языкознание») ³. В каком отношении находился курс «Общее язы-

¹ Там же, стр. 8.

² Д. Н. Ушаков, Краткое введение в науку о языке, М.: 1-е изд. — 1913, 9-е изд. (последнее) — 1929.

³ Иногда то, что обычно подразумевалось под «Введением в языкознание» или под «Общим языкознанием», в зарубежных странах обозначали термином «Языкознание». Такова, к примеру, книжка датского языковеда К. Сандфельд-Енсена «Языкознание» (нем. перевод — 1915). Она включает: 1) введение; 2) жизнь и развитие языка (изменения в словах, в словарном составе, изменение звуковые, изменения значений, изменения в словосочетаниях; влияние других языков); 3) образование диалектов; 4) родство языков и семьи языков; 5) языкознание и история. Отрасли языкознания здесь выпадали из поля зрения. Наличный материал изложен последовательно.

К типу вводящих курсов относятся: «Язык» Л. Блумфильда (1933, на англ. яз.), «Философия языка» А. Дюза (1932, на франц. яз.), значительно

коведение» к курсу «Введение в языкознание»? Об этом можно судить по книге профессора одесского университета А. И. Томсона «Общее языковедение»¹.

Во вводной части «Общего языковедения» А. И. Томсона изложены предварительные сведения о языке и языковедении, место языковедения среди других наук, деление языковедения на отделы и беглый обзор истории языковедения. За вводной частью следует классификация языков: морфологическая, генеалогическая (индоевропейская семья языков, неаологическая классификация языков, не принадлежащих к индоевропейской семье). После классификации языков А. И. Томсон переходит к общему анализу процесса речи, к рассмотрению «центральной нервной системы языка». Далее идут: 1) фонетика и фонетические изменения, 2) общая семасиология, 3) общая грамматика; 4) изменения языка по аналогии и некоторые другие виды изменения языка; 5) изменения языка в словах, в формах слов и в формах синтаксических словосочетаний; 6) возникновение диалектов, смещение и вымирание языков; 7) искусственные языки; 8) происхождение языка; 9) прикладное языковедение и последняя глава — письмо.

По объему «Общее языковедение» А. И. Томсона в два раза больше «Введения» В. К. Поржезинского (и раза в три превосходит «Краткое введение» Д. Н. Ушакова). Что же касается построения, то оно аналогично «Введению»: после вводной части дается классификация языков, рассматриваются отрасли языкознания (очень подробно фонетика!) и лишь затем — изменения языка, изложенные более обстоятельно, но без постановки основных вопросов развития; о сущности языка говорится (весьма кратко) в начале, о процессах развития языка — в конце. Язык, его сущность, развитие, происхождение рассматриваются в различных местах, в отрыве друг от друга.

«В изложении, — пишет в предисловии А. И. Томсон, — соблюдалась методичность, необходимая в учебнике. Ввиду сложности предмета нередко нужно было или делать ссылки на следующее дальше изложение, или разбивать естественные отделы, излагая их по частям, по мере надобности для понимания последующего. Для учебника обыкновенно пригоден только последний прием. Таким образом, скачки из одной области языка в другие объясняются из внутренней органической последовательности в изложении»².

«Скачки из одной области в другую», конечно, совершенно исключают «органическую последовательность». Быть может, способ трактовки вопроса в «Общем языковедении» А. И. Томсона отличен от приемов, используемых во «Введениях»? Быть может, в «Общем языковедении» положительное решение предваряется критическим анализом иных, неприемлемых толкований? Отнюдь нет: «Научный учебник, — пишет А. И. Томсон, —

более последовательный в членении материала, чем труд Л. Блумфида, «Язык» О. Есперсена (1922, на англ. яз.; нем. перевод — 1925).

Из вводных курсов наиболее интересными, к тому же цельными по построению являются: «Язык. Лингвистическое введение в историю» Ж. Вандриеса (русс. перевод — 1937; последнее франц. изд. — 1950); «Язык. Введение в изучение речи» Э. Сепира (русс. перевод — 1934). Систематический курс — своеобразного построения — дан в «Принципах истории языка» Г. Пауля (4-е нем. изд. — 1909) и в «Курсе общей лингвистики» Ф. де Соссюра (русс. перевод — 1933; 3-е франц. изд. — 1931). Труд Г. Габеленца «Языкознание, его задачи, методы и достигнутые результаты» (1891, на нем. яз.) включает большой и разнородный материал, но вряд ли может рассматриваться как цельный курс и, конечно, не подходит под категорию учебного курса (так же, как и большинство из вышеназванных трудов).

¹ А. И. Томсон, Общее языковедение, Одесса, 1906.

² Там же, стр. VII.

должен содержать прежде всего твердо установленные общепринятые истины в возможно объективном изложении. Составить такую компиляцию по общему языковедению в настоящее время еще невозможно. Разные отделы и отдельные вопросы разрабатывались разными учеными, во взглядах которых существуют нередко принципиальные разногласия, как, напр., в общих взглядах на психологию языка, на разные стороны фонетики и проч. Из сводки таких различных взглядов и более частных фактов, получивших поэтому разнородное освещение, нельзя составить целого... Указания на... различия во взглядах в элементарном учебнике языковедения совершенно немыслимы. Они запутали бы начинающего»¹.

Из сказанного следует: «Общее языковедение» А. И. Томсона не отличается от «Введения» ни по цельности изложения, ни по способу трактовки обсуждаемых вопросов; оно выглядит как расширенное «Введение».

*

Суммируя краткий обзор характерных особенностей ряда дореволюционных учебников по языкознанию (Д. Н. Кудрявского, В. К. Поржезинского, Д. Н. Ушакова, А. И. Томсона), можно заключить:

1. В университетах дореволюционной России преподавался лишь один общелингвистический предмет; назывался он обычно «Введением в языковедение» (или «Введением в языкознание»), реже — «Общим языковедением».

2. «Введение в языковедение» в основном строилось на анализе материалов индоевропейских языков. Более того: «Введение в языкознание» как теоретическая дисциплина по своей целеустановке было связано со сравнительной грамматикой индоевропейских языков; оно прежде всего служило введением в сравнительную грамматику индоевропейских языков. Об этом прямо говорит Д. Н. Кудрявский в приведенной выше цитате.

Отдельной кафедры общего языкознания в старых университетах не имелось: общее языкознание было представлено на кафедре сравнительного языковедения (и санскрита), т. е. на кафедре сравнительной грамматики индоевропейских языков.

3. При таком положении вещей становится вполне понятным, если стержнем курса (по «Введению в языкознание») оказывались разделы, посвященные фонетике и генеалогической классификации языков. Генеалогическая классификация индоевропейских языков при этом излагалась подробно — с учетом состава всех «ветвей индоевропейской семьи»; об остальных же семьях языков говорилось весьма кратко — с перечислением лишь отдельных языков; так, например, у Томсона генеалогическая классификация индоевропейских языков занимает 25 стр., все остальные языки размещены на 7 страницах [«Генеалогическая классификация языков, не принадлежащих к индоевропейской семье»: аккадско-сумерийский язык, семитическая семья языков; хамитическая семья языков, урало-алтайская семья языков; кавказские языки; другие языки Азии (имеются в виду китайский, сиамский, бирманский, тибетский, японский, дравидские языки, причем китайскому языку уделено 7 строк); южноафриканские языки; малайские и австралийские языки; языки американских индейцев; отдельно стоящие языки Европы].

Любопытно само объединение этих языков в общую рубрику «языков, не принадлежащих к индоевропейской семье» (А. И. Томсон); у некоторых других авторов о «неиндоевропейских языках» говорится еще короче

¹ Там же, стр. V.

(В. К. Поржезинский, Э. Кнауэр). Это не вызывалось слабой изученностью «неиндоевропейских языков» (семитические, угро-финские языки, например, были достаточно изучены). Не было тут и высокомерия, которое пытался вменить в вину Н. Я. Марр языковедам, не принимавшим его «учения». Вызывалось это скорее всего тем обстоятельством, что университетская наука о языке по конкретному материалу была связана с индоевропейскими языками и в теоретических обобщениях ориентировалась на материалы индоевропейских языков¹.

4. Вопросам сущности языка в старых учебниках по «Введению» уделялось весьма скромное место, и толковалась сущность языка — за редкими исключениями — как индивидуальная деятельность на основе гербартовой психологии представлений (реже — вундтовской апперцепционной психологии). Психологизм играл роль теоретической базы учебников по общелингвистическому предмету (даже и тогда, когда учитывалась социальная сторона сущности языка, например у Бодуэна де Куртэна).

5. В членении материала не было последовательности, изложение было лишено цельности: вопросы, относящиеся к одной и той же проблеме, трактовались в различных местах (например, в учебниках у Д. Н. Ушакова, В. К. Поржезинского об «изменениях фактов языка» говорилось в последних главах книги, тогда как без учета этих изменений нельзя было понять «генеалогической классификации языков», о которой говорилось значительно раньше).

Ограниченность анализируемого языкового материала, отсутствие систематичности (в изложении наличного материала), отрывочный характер даваемых сведений, отсутствие обоснованной теории сущности развития языков, научная несостоятельность исходных психологистических установок — вот что являлось наиболее слабыми сторонами старых университетских курсов по «Введению в языкознание».

А между тем изучение конкретных языков и изучение языковедческих дисциплин в высшей школе должно быть тесно связано между собою. Чем разнообразнее конкретный языковой материал, привлекаемый к анализу, тем богаче по содержанию общелингвистические понятия. С другой стороны, общелингвистические дисциплины дают возможность студенту должным образом понять сущность и развитие языка, многообразие грамматических систем и лексических возможностей различных по происхождению и грамматическому строю языков². В этом — значение общелингвистических дисциплин для филологического образования.

*

«Введение в языкознание» в наших университетах и педагогических институтах не может рассматриваться как «Введение в сравнительную грамматику индоевропейских языков» (или как «Введение в индоевропейское языкознание») не только потому, что сравнительная грамматика индоевропейских языков теперь не читается ни в педагогических институтах, ни на филологических факультетах университетов (за отдельными исключениями), но и потому, что при таком понимании «Введения» необоснованно

¹ Во «Введении в языкознание» проф. Е. Д. Поливанова (М., 1928) — работе, которая ориентирована на материалы восточных языков, уже при самом заглавии оговорено, что она предназначена «для восточных вузов».

² Мы не касаемся здесь другой стороны дела: анализируя природу и развитие языковых категорий, общелингвистические дисциплины тем самым помогают глубже понять природу и развитие категорий мысли. Отсюда — важность языкознания для изучения философских дисциплин.

сузился бы круг проблем, подлежащих анализу во «Введении», переместился бы центр тяжести на вопросы, не являющиеся центральными.

Слов нет, сравнительная грамматика индоевропейских языков наиболее разработана. Изучение данного предмета имело бы важное познавательное значение и для лиц, не занимающихся индоевропейскими языками. Но было бы принципиально неверно ставить знак равенства между «индоевропейским языкознанием» и «наукой о языке».

Наука о языке не может ограничиться данными одних лишь индоевропейских языков. Какой-нибудь из северных (палеоазиатских) языков (такой, например, как чукотский) может привнести материал, расширяющий общелингвистический кругозор, например, в вопросе о взаимоотношении слова к предложению, решая данный вопрос способом, необычным для говорящих на языках индоевропейских, семитических, угро-финских, которым процесс инкорпорации неведом. Какой-либо дагестанский язык (например, аварский) может расширить наше представление о спряжении глаголов, продемонстрировав спряжение переходного глагола по одному лишь объекту, без всякого намека на субъект (на лицо субъекта или грамматический класс, «род» субъекта).

Такие принципиально новые возможности в трактовке вопросов морфологии, синтаксиса советской наукой о языке должны учитываться. Советское «Введение в языкознание» должно строиться на более широкой базе, чем старые университетские пособия по данному предмету. Конечно, на материале из русского языка будут поясняться общелингвистические понятия в первую очередь, ибо только в таком случае материал окажется наиболее доступным для представителей многонационального Советского Союза: это — минимум необходимого. Добываясь же максимума возможного, следует в нужных случаях привлекать материал из самых различных языков (особенно при анализе грамматического строя). Только в таком случае морфология и синтаксис во «Введении в языкознание» перестанут дублировать изложение морфологических и синтаксических категорий одного какого-либо языка.

Если «Введение в языкознание» не может быть приравнено к «Введению в изучение индоевропейских языков», то тем меньше оснований строить данный курс по материалам одних лишь семитических, угро-финских, алтайских или иберийско-кавказских языков. Введение в изучение каждой из таких групп само по себе представляет научную ценность, но оно не может замещать введения в науку о языке.

«Введение в языкознание» за последнее время пытаются толковать как «введение в изучение того или иного конкретного языка»¹. Анализируя вопросы сущности и развития языка, основные понятия лексикологии и грамматики по материалам различных языков, «Введение в языкознание» тем самым и обеспечивает возможность научного понимания грамматического строя и лексики, современного состояния и исторических путей развития любого конкретного языка: «Введение в языкознание», естественно, является и введением в изучение любого «конкретного языка».

Следовательно, «... дать толчок творческой инициативе студента в изучении того или иного конкретного языка, направить его внимание и интерес к установлению живых связей между разными элементами грамматического строя и словарного состава родного или чужого, осваиваемого языка»² «Введение» может и в дальнейшем его понимании.

¹ См. «О лингвистическом высшем образовании и подготовке научных кадров по языкознанию», ВЯ, 1954, № 2, стр. 5.

² «О лингвистическом высшем образовании...», стр. 5.

Введение в изучение конкретного языка, его грамматического строя, стало быть, не может противопоставляться «введению в науку о языке», частью которого оно является, равным образом эта часть («введение в грамматику») не может заменить целого («введение в языкознание»), так же как «введение в морфологию» не могло бы заменить «введения в грамматику». Конечно, при таком искусственном ограничении содержания «Введения» рискует быть обедненным в части общетеоретической.

Что именно таков смысл выдвигаемой на страницах журнала «Вопросы языкознания» новой формулировки задач «Введения» становится ясным из выводов, к которым ведет эта новая формулировка: «Следовательно, — говорится в статье, — этот курс («Введения». — А. Ч.) не должен быть отягощен изложением теорий о происхождении языка, рассуждениями о месте языкознания в системе общественных наук, сведениями о всех существующих и существовавших классификациях языков и т. д.»¹.

Почему все это «отягощает» курс «Введение в языкознание»? Может быть, это — вопросы неактуальные? Нет, но им, оказывается, не место во «Введении»: «Все эти вопросы, — читаем в той же статье, — наряду с целым рядом других важных проблем общего языкознания (например, о языке и мышлении, о специфических приемах описательного и исторического, а также историко-сравнительного изучения языка, о марксистском понимании взаимодействия разных сторон системы языка в ее развитии, о внутренних законах развития языка и т. п.), должны быть систематически изложены в более позднем курсе «Общего языкознания», обобщающем и углубляющем методологическую подготовку студента, приобретенную на базе конкретно-исторического изучения того или иного языка»².

С такой трактовкой содержания курса по «Введению в языкознание» согласиться нельзя. Систематический курс «Общего языкознания» не предусмотрен учебным планом педагогических институтов. На филологическом факультете университетов «Общее языкознание» читается не для всех студентов, а лишь для студентов специальности языка. Но если даже «Общее языкознание» станет обязательным для всех студентов филологического факультета, то все же будет не оправдано исключение из «Введения» вопросов, которые всегда рассматривались в этом курсе.

Теория происхождения языка не обходит молчанием даже такое «краткое введение», каким является книжка Д. Н. Ушакова: теория звукоподражания, теория междометий, даже теории эволюции (Вундта) нашли место в «Кратком введении в науку о языке».

Странно слышать от теоретического журнала по советскому языкознанию, что «изложение теорий происхождения языка отягощает курс „Введения“». Конечно, они неуместны по «Введению в грамматику», но необходимы в курсе «Введение в языкознание».

Вопрос о месте языкознания в системе общественных наук — вопрос сугубо принципиальный; это вопрос, фундаментальный для каждой науки. Так или иначе его касались старые учебники (отдельный параграф ему посвящен даже в «Кратком введении» Д. Н. Ушакова; подробно подробно он обсуждается у А. И. Томсона). Сведения по этому вопросу не могут отягощать «Введения в языкознание».

Было бы также неправильно ничего не сказать о приемах исследования, в частности об историко-сравнительном методе, когда наука о языке своим возникновением обязана применению этого метода к фактам языка.

Непонятно и то, как может «Введение в языкознание» быть отягощенным «сведениями о всех существующих и существовавших классифика-

¹ «О лингвистическом высшем образовании...», стр. 5.

² Там же.

циях языков»¹. В действующую программу по «Введению» включены далеко не все из «существующих и существовавших классификаций», а всего лишь две: морфологическая классификация и генетическая классификация. Ни так называемая психологическая классификация, ни классификация по культурным кругам, ни концептуальная классификация, ни понятия «союза языков» во «Введении» не предусмотрены — и это, возможно, даже пробыл, но вряд ли это может дать повод к упрекам в отягощенности курса лишними классификациями².

Можно спорить об объеме курса, о характере изложения теоретических вопросов (во «Введении в языкознание»), но нельзя требовать сокращения теоретических вопросов, подлежащих освещению во «Введении».

В системе филологического образования «Введение в языкознание» занимает ответственное место: это единственный общелингвистический предмет, который слушает большинство филологов. Поэтому «Введение в языкознание» должно представлять собою вполне законченный самостоятельный курс, как справедливо указывают отдельные товарищи. Но «Введение в языкознание» не может стать ни законченным, ни самостоятельным курсом, если в нем не будут обсуждены — в том или ином объеме — все четыре основные проблемы науки о языке: проблема предмета, специальных методов его изучения, отраслевого состава языкознания, места языкознания в системе наук.

Конкретно круг основных вопросов, которых нельзя не коснуться, представляется в следующем виде: 1) сущность языка, его развитие и происхождение; 2) специальные методы исторического анализа и систематического описания фактов языка; 3) отрасли (отделы) языкознания и их взаимоотношение; 4) отношение языкознания к другим (общественным) наукам. Систематический анализ данных проблем — с критическим преодолением неприемлемых воззрений и с аргументированным изложением приемлемых положений — дело «Общего языкознания». «Введение в языкознание» не может, как правило, давать критического анализа неприемлемых положений: оно излагает лишь положительное с посильным его обоснованием, но без критики неприемлемого. «Введение в языкознание» не может детализовать все проблемы науки о языке. Но ни одна из четырех проблем не может остаться незатронутой.

Больше всего трудностей связано с проблемой специальных методов. Однако нельзя во «Введении» ничего не сказать о том, в чем состоит историко-сравнительный метод, в чем его смысл, и ограничиться голословным утверждением, что с применением этого метода связаны многие достижения в научном изучении языков.

В плане описательного анализа: можно ли излагать учение о частях речи и ничего не сказать о том, почему количество частей речи неодинаково не только в разных языках, но даже в одном и том же языке оказывается неодинаковым у разных авторов. Нет, невозможно, если хотим, чтобы студент не только знал, сколько частей речи, но и понимал, что такое по сути дела «часть речи».

Что же касается трех остальных проблем (сущности языка, отраслей

¹ Там же.

² С. Ф. Кузьмин замечает, что «нет никакой нужды загружать курс перечислением всех семей и групп языков при ознакомлении с генеалогической классификацией» (ВЯ, 1954, № 1, стр. 103). Спрашивается: Какие же семьи языков называть? Какие из семей и групп языков не включать? И по какому принципу отбирать? Вопрос, выражаясь мягко, деликатного свойства. Научно все языки ценны. Общественно — родной язык (для говорящего на нем) бесценен. Старые университетские пособия в общей рубрике «индоевропейских языков» упоминали почти о всех семьях. Не давать даже того, что имелось в старых пособиях при перечислении семей языков, было бы просто неудобно.

языкознания, места языкознания), то они имелись даже в старых университетских пособиях. Новым курсам вряд ли простительно здесь отставать.

«Введение в языкознание», таким образом, должно строиться как элементарный курс «Общего языкознания», но законченный самостоятельный курс. Это настоятельно диктуется местом данного курса (в учебном плане) как обязательного предмета для всех слушателей I курса филологических факультетов.

В курсе «Введение» необходимо иметь отдельную главу о важнейших фактах из истории грамматических воззрений до XIX в. — до возникновения историко-сравнительного языкознания¹. Наличие во «Введении» раздела о важнейших фактах истории грамматических воззрений (до возникновения исторической и сравнительной грамматики) будет оправдано с точки зрения самостоятельности «Введения» и в том случае, если «История языкознания» останется в учебном плане специальности языка как самостоятельный предмет: «Историю языкознания» будут изучать лишь специалисты по языку. Включение отдельной главы по истории развития грамматической мысли во «Введение» будет совершенно необходимо в том случае, если «История языкознания» не будет фигурировать в учебном плане как самостоятельный предмет.

Итак, главные факты развития грамматической мысли следует рассматривать как необходимый элемент минимума лингвистических знаний, включаемого во «Введение».

Новое понимание языка и определяемые им задачи преподавания общелингвистических дисциплин, а также место, занимаемое «Введением» в учебном плане, требуют, чтобы «Введение в языкознание», являясь элементарным курсом общего языкознания, представляло бы собой самостоятельный, законченный курс.

Построенный на новых принципах, свободный от недостатков старых университетских курсов, новый курс «Введения» не может быть по количеству обсуждаемых вопросов, по объему фактического материала и даваемых знаний беднее старых университетских пособий.

*

Таковы основные вопросы построения курса по «Введению в языкознание».

Как излагать материал: по принципу «рамочной конструкции», на чем особенно настаивал А. А. Реформатский, или же систематически? Вопрос немаловажный, но методического характера. Программа и учебник должны строиться в плане строго логического членения материала и систематического его изложения. Лишь в таком случае можно добиться цельности изложения. Все цельное легко обозримо и усваивается лучше, понимается глубже. За это говорит и педагогический опыт. Конечно, и по принципу «рамочной конструкции» можно получить весьма интересный курс (таким, в частности, мне представляется «Введение в языкознание» А. А. Реформатского). Но тот же курс, будучи построен в плане систематического анализа, получился бы еще интереснее.

Начав с анализа теоретических вопросов по существу (а не в плане сообщения предварительных сведений), мы в своей педагогической практике всегда отмечали рост активного интереса у первокурсников, но мы не получили того же результата, когда начали однажды изложение курса — после краткого вступления — с анализа отраслей (отделов) языко-

¹ Подробнее об этом см. ниже.

знания и лишь после ознакомления с конкретным содержанием различных отделов науки о языке перешли к анализу принципиальных теоретических вопросов.

Идеальным по построению (и, пожалуй, по изложению) был бы лингвистический курс, построенный *modo geometrico*, где последующее опирается на предыдущее и логически связано с ним. Это вполне осуществимо при изложении ряда разделов курса, хотя и труднее в отношении таких разделов, как семантика (что не случайно: участок этот научно плохо разработан).

Методическим является вопрос: с фонетики начинать и идти к лексикологии или наоборот? Последовательнее начинать с фонетики; при этом придется преодолеть некоторые трудности. Но этих трудностей бывает больше, если идти от лексикологии к фонетике.

Вопрос о содержании и характере практических занятий по «Введению»¹, вопрос о наглядных пособиях, необходимых при преподавании фонетики, классификации языков и т. д., также относится к методике преподавания. Нужна программа практических занятий, необходимы наглядные пособия, нужны карты распространения языков, необходима аннотированная библиография литературы... Все это важно. Необходимость их вряд ли кто станет оспаривать. Они нужны при любом построении курса по «Введению». Далее: для университетов и педагогических институтов курс должен быть один. Для учительских институтов требуется особый, сокращенный, вариант курса.

Г*
Е

Несколько слов о цикле общелингвистических дисциплин для лингвистических отделений (для студентов, идущих по специальности языка). Такие отделения (специальности) имеются лишь на филологических факультетах университетов. Помимо общеобязательного для всех филологов «Введения в языкознание», здесь необходимо иметь еще два курса: «Историю языкознания» и «Общее языкознание». Итого — три общелингвистических предмета для лингвистических отделений.

По «Общему языкознанию» имеется программа; по «Истории языкознания» программа пока еще не составлена. Неясность в вопросе о содержании курса «История языкознания» отрицательно сказывается на постановке «Общего языкознания», на понимании его содержания и характера.

Выше уже говорилось о том, что задача «Общего языкознания» — дать систематический анализ основных проблем языкознания как науки. «Общее языкознание» будет отличаться от «Введения в языкознание» не только шириной охвата материала (целости проблем) и систематическим характером анализа проблем, но и способом трактовки вопроса: положительное освещение вопроса должно предваряться критическим анализом неприемлемых толкований; тем самым положительное понимание станет более глубоким и обоснованным.

К примеру: из «Введения в языкознание» студенту известно, что язык есть средство общения и обмена мыслями, что этим определяется самое существо языка. Но из «Введения» студент не может знать, что имеются и другие, совершенно различные определения языка: «язык — духовное творчество индивида» (рассматривать язык как средство общения — значит якобы «рассматривать язык ненаучно!»); язык выражает мысли гово-

¹ Ценная работа выполнена в этом отношении И. П. Мучником и А. А. Реформатским (с участием редактора Р. И. Аванесова). См. И. П. Мучник и А. А. Реформатский. Введение в языкознание. (Программы пед. ин-тов). М., Учпедгиз, 1954. См. также И. П. Мучник, Введение в языкознание. Контрольные работы и материалы к изучению курса. Пособие для заоч. отд-ний пед. и учит. ин-тов, [М.], Учпедгиз, 1952.

рящего, сообщает их другим, но для языка будто бы «существенно» не это, а отношение к тому, что им передается, излагается — будто бы это изложение определяет сущность языка и т. д. и т. п.

Специалист по языку должен разбираться в том, для каких (общелингвистических) течений характерно такое понимание, на каких предпосылках оно строится, к чему ведет и почему неприемлемо для подлинно научного понимания. Тогда глубже будет понят смысл формулы «язык — средство общения и обмена мыслями», станет яснее, из каких предпосылок оно вытекает и к каким выводам обязывает.

«Язык — непосредственная действительность мысли», «реальность мысли проявляется в языке» — следовательно, язык с мышлением связан теснейшим образом; это студенту известно из «Введения в языкознание». Но ему неизвестно, что часто язык рассматривают как внешнюю оболочку уже готовой мысли или, напротив, отождествляют мышление с речью, доходя до отрицания возможности представлений без языка или даже до отрицания мышления как явления сознания.

Из «Введения» студент знает, что сравнительная грамматика родственных языков оперирует звуковыми соответствиями, но ему неизвестно, каков возможный исторический смысл этих соответствий, предшествуют ли один из сравниваемых вариантов другому или оба возникли в процессе закономерных изменений третьей — общей — исходной величины. Морфологическую и генеалогическую классификацию, принципы, лежащие в их основе, студент может довольно ясно представить и по «Введению в языкознание». Но студенту, специалисту по языку, нужно знать, что в современной зарубежной лингвистике модным стало понятие «союза языков», еще не достаточно определившееся в позитивной части, но порой противопоставляемое генеалогической классификации (правда, без достаточного на то основания).

Было бы неверным считать, что советская наука о языке уже располагает завершенной системой общего языкознания. Но еще большей ошибкой было бы думать, что, пока такая система не завершена, можно воздерживаться от университетского курса по «Общему языкознанию». Узловые моменты систематического советского курса по «Общему языкознанию» уже теперь могут быть и должны быть разработаны. Чем больше товарищей включится в эту работу, тем лучше будет для дела. Имеющаяся программа по «Общему языкознанию» вполне пригодна для ориентировки при первых попытках создания курса. В процессе работы над курсом и программа будет совершенствоваться: под при прочих равных условиях лучшей является та программа, которая уже реализована и под соответствующего учебного пособия.

Трудно обстоит дело с «Историей языкознания», но не только потому, что у нас не имеется программы. Программа до сих пор не составлена именно потому, что неясен объем курса, не уточнен круг вопросов, подлежащих включению в программу, и, наконец, — что самое важное — вообще история науки о языке слабо разработана. Очень мало работ по истории развития лингвистической мысли и у нас, и за рубежом. Книга Штейнтала касается положения вещей у древних греков и римлян; Бенфей подробно анализирует лишь немецкую лингвистическую мысль до шестидесятых годов XIX в.; обзор Томсона, помимо всего прочего, очень краток¹.

Относительно лучше разработана история изучения индоевропейских языков (славянских, германских, романских, иранских...); имеется доста-

¹ Обширный труд проф. С. К. Булича «Очерк истории языкознания в России» (СПб., 1904), тщательно документированный и весьма ценный в фактическом отношении, охватывает материал не далее 1825 г.

точно материала по различным течениям лингвистической мысли; но совершенно недостаточно разработана история развития лингвистических воззрений даже в части фактической, не говоря уже об интерпретации этих фактов. Монографически не изучена история возникновения историко-сравнительного языкознания, не изучена должным образом история философских теорий языка. Мало что известно — вне узкого круга специалистов — о том, как развивалась языковедческая мысль в Китае, в древних странах Передней Азии, у арабов Средневековья; отчасти это относится и к истории языкознания в Индии. Всю историю языкознания до XIX в. обычно сводят к истории развития грамматических воззрений древних греков и римлян в странах Европы. Это знать необходимо, но это не есть «история языкознания», а один лишь ее краткий раздел.

Разработать нужный курс истории развития языковедческой мысли — дело сложное: оно требует немало труда и времени (целого коллектива). Ссылаясь на сложность и неразработанность курса «Общее языкознание», а также на отсутствие учебника по данному предмету, отдельные товарищи предлагают включить в «Историю языкознания» «Общее языкознание». Но «История языкознания» еще менее разработана, чем «Общее языкознание». Такое объединение может привести лишь к одному: более изученные разделы истории языкознания (как-то: обзор различных течений современной зарубежной лингвистической мысли, история изучения различных групп индоевропейских языков) заслонят собою проблемы «Общего языкознания», но никакой цельной «Истории языкознания» не получится.

Если уж необходимо объединять, то не «Общее языкознание» следует подключать к неопределенному курсу «Истории языкознания», а, наоборот, наиболее разработанные разделы «Истории языкознания» надо распределить между «Введением», «Общим языкознанием» и спецкурсами. Во «Введение в языкознание» следует включить историю развития грамматических воззрений (до зарождения историко-сравнительного языкознания), а историю изучения славянских, германских, романских, иранских и т. д. языков надо давать в виде спецкурса или семинара на соответствующих специальностях (нет смысла иранисту давать историю изучения романских языков или наоборот: студент мало что вынесет из истории языков, конкретным материалом которых он не владеет).

Остается материал о течениях современной лингвистической мысли. С ним студент познакомится в курсе «Общего языкознания» в процессе систематического анализа соответствующих проблем (предмета, специальных методов, теорий построения грамматики...).

Следовательно, в системе общелингвистического цикла место «Общего языкознания» ясно очерчено, необходимость данной дисциплины очевидна (для специалистов языка).

Что же касается «Истории языкознания», то она пока не имеет даже программы и вряд ли может быть реализована должным образом. Однако «История языкознания» — предмет, нужный для студентов-лингвистов. Как самостоятельный предмет общелингвистического цикла этот курс следует готовить: разработать программу, составить учебник. Но, как выяснилось из выступлений товарищей на страницах журнала «Вопросы языкознания», здесь много неясного, хотя и было высказано немало ценных соображений (см., например, статью Э. А. Макаева). В этой связи нам бы хотелось остановиться на некоторых вопросах истории языкознания.

Содержание курса «История языкознания» прежде всего зависит от того, что понимается под языкознанием, т. е. что является существенным для науки о языке. Сведения о языке — до возникновения языкознания — содержались в грамматиках (филологической, рациональной или философ-

ской) и философии. Грамматика изучала конкретный материал (письменных языков) или с точки зрения филологических норм, или же с точки зрения логических (рациональных) установок. Философия излагала вопросы сущности языка, взаимоотношения мышления и речи, происхождения языка, развития языков. В то же время большой интерес вызывала этимологизация слов (еще со времен римских). Этимологии эти строились на произвольном расчленении слов и произвольном толковании расчлененных элементов (например, *vulpes* «лисица»: *vol-pes* «quod volat pedibus» «что летает ногами»). Эти этимологии были так же произвольны, ненаучны, как и этимологии Н. Я. Марра на основе четырехэлементного анализа.

Философские суждения о сущности языка свободно уживались с произволом этимологических толкований. Ни в чем так ярко не проявляется уровень мышления о языке (до XIX в.), как в донаучной этимологии. Ни в чем так ясно не сказалось новое понимание фактов, как в научной этимологии, созданной на основе историко-сравнительной грамматики. Произволу в анализе и толковании слов, создавшему фантастическую этимологию древних, приходит конец с возникновением историко-сравнительной грамматики. Место произвола занимает закономерное. Это — факт фундаментального значения. Кто в полной мере не учитывает этого обстоятельства, для того вряд ли будет ясным, что знаменует собой зарождение научной этимологии на основе исторической грамматики и чем по существу она отличается от донаучной этимологии, с одной стороны, и от марровской элементной палеонтологии — с другой.

Если научное познание языка внутренне связано с историческим подходом, если историзм представляет собою необходимую предпосылку выявления научных закономерностей, то история языкознания прежде всего должна показать, как зародилась эта историческая точка зрения, к чему она привела и какие успехи обеспечила. Без этого никакой научной истории языкознания не получится: и р и ц и п и с т о р и з м а — о с н о в а советской науки о языке, а не декоративная деталь.

Сравнение языков без истории следует резко отличать от сравнения на базе истории и в целях установления истории. Такие понятия, как «родство языков», «родственные языки», бытовали задолго до возникновения историко-сравнительной грамматики: родство определенных языков (например, языков Европы) подмечалось (порою даже правильно) на основе простого сопоставления, родственные языки выделялись, но правильное перемешалось со странными утверждениями, так как не было метода. С этой точки зрения особым вниманием заслуживают XVII и XVIII вв. — преддверие историко-сравнительной грамматики.

На протяжении многих веков теория языка разрабатывалась философией. Философские теории языка со всеми предпосылками соответствующей философской системы проникали и проникают в грамматику, в языкознание, своеобразно сочетаясь с эмпирическим материалом описательного и историко-сравнительного изучения языков. Не одно положение философских теорий языка вошло в лингвистический обиход. Языковедами не всегда учитывается, откуда они идут. «История языкознания» не может обойти молчанием вопроса о развитии философских теорий языка, в частности XVII—XVIII вв.

Курс «История языкознания» не может ограничиться анализом, пусть даже подробным, развития системы филологической грамматики (и далее — рациональной грамматики). Необходимо дать сведения о грамматической системе Востока (китайцев, индийцев, арабов): это поможет преодолеть односторонность греко-римской точки зрения. (Выше отмечалось, что уже

студенту-первокурснику нужно знать, как развивалась грамматическая система греков на протяжении веков).

Итак: 1) грамматическая мысль Востока, 2) филологическая грамматика греков, римлян..., 3) рациональная (философская) грамматика, 4) философские теории о языке (до XIX в.), 5) зарождение историко-сравнительной грамматики (XVII—XVIII вв.) — таковы необходимые разделы истории возникновения научной точки зрения на язык.

6) Историзм в языковедческой практике и теории (основы научной этимологии, вопросы о звуковых соответствиях, о строении основ, о принципах классификации языков и т. п.), судьбы историзма, взаимоотношение «историко-лингвистического» и «философско-лингвистического» на протяжении последнего столетия является проблемой, одинаково важной для специалистов по любым языкам. Это — основная проблема истории лингвистической мысли за время существования историко-сравнительного языкознания. Из шести упомянутых разделов относительно лучше разработан второй (филологическая грамматика греков, римлян). Все остальные разделы требуют монографической разработки ряда основных вопросов. Эту работу необходимо вести; но одновременно следует готовить детализованную программу по вопросам, которые на нынешней ступени изученности более ясны.

В типовом учебном плане филологических факультетов, разработанном в 1955 г. Министерством высшего образования СССР, предусматривается общелингвистический предмет «Основы языкознания» для всех студентов-филологов — как специалистов языка, так и специалистов литературы. Программа по данному предмету еще не разработана; о содержании данного курса пока ничего сказать нельзя. Обращает на себя внимание следующее обстоятельство: курс «Основы языкознания» читается на первом, втором и девятом семестрах. Отсюда ясно, что он не может представлять собою один цельный курс: разрыв в шесть семестров — дело немислимое и научно, и особенно методически, если речь идет о двух частях одного и того же курса. Если же это не один курс, какой смысл обозначать одним названием то, что не является единым.

Если уж объединять, то естественнее называть весь курс просто «Языкознание» с необходимым членением:

- 1) «Введение в языкознание» (I—II сем.);
- 2) «История языкознания» (V или VI сем.);
- 3) «Общее языкознание» (VII—VIII сем.).

«Введение в языкознание» — элементарный курс общего языкознания, дополненный разделом по истории развития грамматической мысли — образует законченный самостоятельный предмет, входящий в минимум филологического образования.

«Общее языкознание» — систематический курс — завершает лингвистическое образование филологов, специалистов по языку. Курс «История языкознания» в типовом учебном плане должен оставаться, по крайней мере, как предмет факультативный.